

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233

Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVII

Buenos Aires, martes

29 de Julio de 1975

Буэнос Айрес, вторник 29 июля 1975 г.

№ 1326

СОЛЖЕНИЦЫН ГОВОРИТ АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

30-го июня Центральное Правление американской Федерации Труда — Конгресса производственных профсоюзов устроило в Вашингтоне банкет в честь лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына. Великий писатель выступил с речью перед присутствовавшими более двумя с половиной тысячами профсоюзных руководителей и активистов, видных представителей американской общественности, политиков и деятелей культуры. «Наша Страна» воспроизводит полностью магнитофонную запись выступления Александра Исаевича Солженицына.

Большинство присутствующих здесь сегодня, люди труда, созидательного труда. И сам я, проработавши в жизни немало лет каменщиком, литейщиком, чернорабочим... от имени всех тех, кто делил со мною подневольный труд, как эти два человека, с которыми сейчас вы виделись, и от тех, кто сегодня работает в нашей стране в угнетенном состоянии, я могу начать сегодняшнюю речь обращением: Братья, братья по труду! Не забывая и многочисленных почетных гостей, присутствующих здесь, добавим: Дамы и господа!

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот лозунг кто из вас (аплодисменты)... кто из нас не слышал этого лозунга, который звучит над землей уже 125 лет. И сегодня вы можете найти его на любой советской брошюре, на каждом номере газеты «Правда». Но никогда руководители коммунистической революции в Сов. Союзе не применяли этих слов искренне и в полном их смысле. Когда нарастает за десятилетия много лжи, то мы уже забываем ту коренную, основную ложь, которая не на листьях дерева, но у корней его. Сейчас почти невозможно уже вспомнить и поверить... Я недавно специально опубликовал, переиздал — снова переиздал брошюру 1918 года. Это подробная запись собрания всех представителей петроградских заводов и фабрик, того самого города, который у нас называют «колыбелью революции». Повторяю, это был март 18-го года. Прошло всего четыре месяца после Октябрьской революции, и все представители петроградских фабрик и заводов проклинают коммунистов, которые обманули их во всех обещаниях. И более того, не только оставили в холоде и голоде Петрограда, сами убежав из Петрограда в Москву, но расстреливали из пулеметов рабочие толпы на заводских дворах, которые требовали выбора независимых фабрично-заводских комитетов.

Я напоминаю, это был март 18-го года. Сейчас уже редко кто может восстановить в памяти и подавление... подавление петроградской забастовки рабочих в 1921 году, и Колпинский расстрел 21-го года. Среди того руководства, среди ЦК, руководившего коммунистической партией в начале революции, все были интеллигенты-эмигранты, приехавшие на уже происходящие в России волнения производить коммунистическую революцию. Один из них был настоящий рабочий — токарь до самого последнего дня своей жизни. Это был Александр Шляпников. Кто знает сейчас это имя? Именно потому, что он был выразителем истинных рабочих интересов в коммунистическом руководстве, годы перед революцией там в России руководил всей коммунистической партией в России, руководил именно Шляпников — не Ленин, который был в эмиграции. В

21-ом году он возглавил рабочую оппозицию, которая доказала, что коммунистическая верхушка отказалась, предала рабочие интересы, попралетариат, угнетает пролетариат, и переродилась в бюрократию. Шляпников исчез и канул. Он был арестован потом, позже. А так как он был стоек, расстрелян в тюрьме и имя его, может быть, многим сегодня здесь даже неизвестно. А я напоминаю: перед революцией во главе коммунистической партии России стоял Шляпников, а не Ленин.

С тех пор рабочий класс никогда уже не мог отстоять своих прав, и в отличие от всех стран Запада наш рабочий класс получает только то, что ему дают, он получает только подачки. Он не может защитить самых простых своих бытовых интересов, и малейшая забастовка по поводу зарплаты или бытовых условий рассматривается как контрреволюция. Благодаря закрытости советской системы вы никогда не слышали вероятно ни о текстильной забастовке в 30-ом году в городе Иваново, ни о рабочих волнениях в 1961-ом году в Александрове, в Муроме, ни о крупном рабочем восстании в Новочеркасске в 1962-ом году, вот уже в хрущевские времена, после всех оттепелей. Об этой истории будет подробно скоро напечатано в вашей стране в моей книге «Архипелаг ГУЛаг» том третий.

Это была история, когда рабочие пошли мирной демонстрацией к горькому партии с портретами Ленина, прося изменить экономические условия; по ним открыли пулеметный огонь и автоматный, и танками разогнали толпу, и даже своих раненых и убитых никакая семья не смела взять — их всех тайным образом убрали.

Именно присутствующим здесь мне не надо объяснять, что в нашей стране после революции никогда не было и не существует свободных профсоюзов. Вольно руководителям британских трудюнионов играть в эту недостойную игру — ехать... делать визиты воображаемым профсоюзам и напарываться на встречные визиты.

Но американская Федерация Труда — Конгресс производственных профсоюзов никогда не поддавались этим иллюзиям, никогда... (аплодисменты). Американское рабочее движение никогда не давало себя ослепить и принять рабство за свободу. И я сегодня от всех наших угнетенных благодарю вас! (Аплодисменты).

Когда мудрецы и либеральные мыслители Запада, забывшие значение слова «либерти», клялись, клялись тут на Западе, что в Советском Союзе никаких концентрационных лагерей вообще не существует, Американская Федерация Труда — Конгресс производственных профсоюзов опубликовала в 1947-ом году карту, карту наших лагерей. И от всех заключенных того времени я благодарю ваше американское движение. (Аплодисменты).

Но подобно тому, как мы ощущаем

себя с вами союзниками, существует и другой союз — на первый взгляд странный, удивительный, а если вдуматься, так очень даже обоснованный и понятный — это союз наших коммунистических вождей и ваших капиталистов (аплодисменты). Это союз не новый. Ныне здравствующий и очень прославленный Арманд Хаммер положил начало, сделал первую разведку еще при Ленине в самые первые годы революции. Разведка оказалась чрезвычайно успешной. И с тех пор мы имеем, все эти 50 лет мы имеем непрерывную, постоянную поддержку со стороны бизнесменов Запада, которые помогли советским коммунистическим вождям — их неуклюжей, нелепой экономике, которая не могла бы никогда справиться сама со своими трудностями, непрерывную помощь материалами и технологией. Крупнейшие стройки первой пятилетки были созданы исключительно при помощи американской технологии и материалов. И сам Сталин признавал, сам Сталин признавал, что две трети этой помощи были получены с Запада. И если сегодня Советский Союз имеет могучие военные и полицейские силы при стране по современным масштабам нищей, эти силы он имеет для подавления нашего свободного движения в Советском Союзе, то мы также должны благодарить, но в этот раз должны благодарить западный капитал.

Я напомню недавний случай: некоторые из вас читали в газетах, а другие могли пропустить — была устроена, инициативой ваших бизнесменов была устроена в Москве выставка криминологической техники, т. е. новейшую, новейшую тонкую технику, которая предназначена у вас для ловли преступников, для подслушивания, подсматривания, фотографирования, выслеживания, опознания преступников — они повезли в Москву (аплодисменты)... они повезли в Москву на выставку и поставили, чтобы советские кагебисты могли изучать, не понимая как будто бы, каких преступников, кого будет ловить КГБ.

Советское правительство чрезвычайно заинтересовалось этой техникой и решило купить ее, и ваши бизнесмены охотно стали продавать. И только, когда здесь отдельные трезвые голоса подняли шум, остановили эту сделку. Продажа не состоялась. Только таким образом. Но надо знать ловкость КГБ — что, не то что две-три недели надо было стоять этой технике в советских помещениях, под советской охраной — достаточно было двух-трех ночей, чтобы наши там уже посмотрели и перекопировали... (Аплодисменты).

И если сегодня идет у нас ловля людей самой лучшей и самой совершенной техникой, то я сегодня тоже могу поблагодарить ваших западных капиталистов. (Аплодисменты). Это то, это то почти непонятное человеческому разуму, та сжигающая жажда наживы, которая терзает всякие границы разума, всякие границы самоограничения, всякую совесть

— только бы получить деньги. (Аплодисменты).

И я должен сказать, что Ленин предсказывал это все. Ленин, который большую часть жизни прожил на Западе, а не в России, и вообще Запад знал лучше, чем Россию, и он всегда писал и говорил, что западные капиталисты сделают все, чтобы поставить наше хозяйство. Они будут соревноваться друг с другом, чтобы продать нам дешевле, продать быстрее, чтобы именно мы купили у этого, а не у того. Они все нам сами принесут, не представляя себе будущего. И в тяжелые минуты на партийном съезде в Москве он сказал так: «Да, товарищи, не беспокойтесь, когда нам будет очень плохо, мы дадим буржуазии веревку, и она сама удавится». И тогда Карл Радек — может, знаете, был такой находчивый остряк — сказал: «Владимир Ильич, ну откуда же мы наберемся столько веревки, чтобы вся буржуазия удавилась?» И Ленин без затруднения ответил: «А сама буржуазия нам ее и продаст». (Аплодисменты).

Десятилетиями — двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы — вся советская печать писала: «Западный капитализм, тебе конец, мы тебя уничтожим!» А они не слышали, они не могут понять. Они поверить этому не могут. Никита Хрущев приехал сюда и сказал: «Мы вас похороним». Они не поверили. Они приняли это за шутку.

Сейчас, конечно, у нас там стали умней. Сейчас говорят, — не говорят: «Мы вас похороним», сейчас говорят: «Разрядка». (Аплодисменты).

Ничто не изменилось в коммунистической идеологии, все они остались те же. Но вместо простодушного Хрущева, который не умел держать язык за зубами, теперь говорят вот так. Для того, чтобы понять этот вопрос, я разрешу себе сделать маленький исторический обзор. История подобных отношений, которые назывались в разные периоды то торговлей, то стабилизацией положения, то признанием реальностей, то вот разрядкой — эти отношения имеют историю по крайней мере 40 лет. Я хочу напомнить вам, с какой системой они начались — вот с какой: это была система, которая пришла к власти путем вооруженного переворота, разогнала Учредительное Собрание, капитулировала перед Германией — общим противником ввела бессудную расправу — ЧК, расправу без всякого суда. Давила рабочие забастовки. Невыносимо грабила деревню до мужицких восстаний. А когда происходили мужицкие восстания, давила их кроваво. Разгромила церковь. Довела до бездны голода 20 губерний страны. Это знаменитый волжский голод 1921-го года. Очень типичный коммунистический прием — добывать власти, мало считаясь с тем, что падают производительные силы, что не засеваются поля, что стоят заводы, что страна опускается в голод, в нищету; а когда наступает голод и нищета, то просить гуманистический мир помочь накормить эту страну.

Мы сегодня видим так в Северном Вьетнаме, вот вот уже в Португалии это идет, и также было в России в 21-ом году.

Когда трехлетней гражданской войной, начатой коммунистами, (это был лозунг коммунистов: гражданская война, это была цель Ленина — гражданская война, читайте Ленина — это были его задача и лозунг)... Когда разорили Россию гражданской войной, попросили Америку: Америка, накорми наших голодных. И действительно, щедрая и вели-

Читайте в следующем номере
полный текст речи А. И. Солженицына
9-го июля 1975 года в Нью Йорке

Зарубежная жизнь

ВТОРОЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Журнал «Православный вестник в Канаде» сообщил, что Второй Съезд русской православной молодежи состоится в 1976 году в городе Монреале. Открытие Съезда назначено на воскресенье 1-ое августа, что как раз совпадает с окончанием Олимпийских Игр, которые состоятся в 1976 году в Монреале. Всем желающим принять участие в Съезде можно будет воспользоваться льготными ценами на билеты самолетов, побывать на Олимпийских Играх и по их окончании принять участие в работах Съезда. Канадское Епархиальное Управление просит всех желающих быть участниками Съезда уже теперь сообщить свое имя, фамилию, адрес и принадлежность приходу. Как и на прошедшем Съезде будет сделана попытка всех устроить по домам прихожан Канадской епархии. За всеми справками следует обращаться в Канадское Епархиальное Управление по следующему адресу:

Archdiocese Office, 8011 Champagne Ave., Montreal, Quebec, Canada

МУЗЫКА К СТИХАМ Н. Н. ТУРОВЕРОВА

В № 1283 «Нашей Страны» в мозаике «Калита» проживающий в Аргентине русский музыкант Платон Коваль прочитал трогательное стихотворение Н. Н. Туроверова. Вдохновленный им, русский эмигрант написал музыку, сначала для сопрано и рояля, а позже разработал и для симфонического оркестра. Эту его музыку под названием «Canción triste» симфонический оркестр города Бана Бланка, в котором он также играет на скрипке, исполнил на концерте 15 мая 1975 года — наряду с произведениями Бетховена, Россини, Сметана и Хачатуряна. Публике музыка Коваль очень понравилась, она вызвала бурные рукоплескания и поздравления. Думается, что русской публике она еще больше понравится благодаря замечательному тексту. Будем надеяться, что на ближайшем концерте мы ее услышим из уст С. Шведовой, Е. Самсоновой, или какой-нибудь другой русской певицы, или певца, например, В. Трофимова. Автор музыки хотел бы связаться с Н. Н. Туроверовым на предмет создания испанского текста песни, но, к сожалению, по нашим сведениям, поэта уже нет в живых.

них не совсем полные, но вот они: в 18-ом и 19-ом году ЧК расстреливало без суда больше тысячи человек в месяц! Это пишет само ЧК, когда оно еще не понимало, как это будет выглядеть в истории. А в расцвет сталинского террора в 37-38 году, если мы разделим число расстрелянных на число месяцев, мы получим более 40 тысяч расстрелянных в месяц. Вот эти цифры: 17 человек в год, 10 человек в месяц, больше тысячи в месяц и более 40 тысяч в месяц! Вот так росло то, что называлось в России консерватизмом, то, что делало невозможным для демократического Запада союз с той Россией. И с этой страной, с этим Советским Союзом в 1941-ом году вся объединенная демократия мира — Англия, Франция, Соединенные Штаты, Канада, Австралия и другие мелкие страны вступили в военный союз. Как это объяснить? Как можно это понять? Здесь можно выдвинуть несколько объяснений. Я думаю, первое объяснение можно сделать такое — что, значит, вся соединенная демократия земли сказала слабой против одного... одной Германии Гитлера. Если это так, то это страшный знак. Это ужасное предзнаменование для сегодняшнего дня. Если все эти страны вместе не могли справиться с маленькой Германией Гитлера, что же они будут делать теперь, когда больше половины земного шара залито тоталитаризмом?

Я не хочу признать этого объяснения. Но может быть, тогда второе объяснение: что это просто была паника, страх государственных деятелей. Они просто не имели веры в себя, они просто не имели силы духа. И в этой растерянности пошли на союз с советским тоталитаризмом. Или наконец третье объяснение: это был замысел. Демократия не хотела себя защищать сама. Она хотела защититься руками другого тоталитаризма, советского.

Не говорю сейчас о нравственных... нравственной оценке этого, об этом позже. Но в плоскости простого расчета это, какая это недалекость, какой это глубокий самообман! У нас есть такая русская пословица: «Волка на собак в помощь не зови». Если собаки на тебя напали и рвут, бей собак, бей собак, а волка не зови! (Аплодисменты). Потому что, когда придут волки, они собак слопают или прогонят, но они съедят и тебя.

Своя демократия могла разбить один тоталитаризм за другим — и германский, и советский. Вместо этого она укрепила советский тоталитаризм, помогла родиться третьему тоталитаризму — китайскому. И вот это все развилось в сегодняшнюю мировую ситуацию.

И Рузвельт в Тегеране, в одном из последних своих тостов так и произнес: «Я не сомневаюсь, что мы трое — Рузвельт, Черчилль и Сталин — мы ведем свои народы в согласии с их желаниями и их целями».

Как это объяснить? Пусть занимаются этим историки. Мы тогда слушали и поражаемся. Мы думали, что вот мы дойдем до Европы, мы встретимся с амери-

канцами, и мы им расскажем... Я был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу. Еще немного и я должен был быть на Эльбе ижать руку вашим передовым американским солдатам. Меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась. Вот теперь, теперь, с таким большим опозданием опять той же самой рукой меня бросили сюда. И я пришел сейчас вместо той встречи на Эльбе (аплодисменты) с опозданием... с опозданием в 30 лет для меня эта Эльба, чтоб сказать вам сегодня, как друг Америки, сказать то, что мы как друзья Америки хотели сказать тогда, но что и нашим солдатам помешали, впрочем, сказать и на Эльбе.

Есть еще одна пословица русская: «Недруг подлакивает, а друг спорит». Именно потому, что я друг Америки, именно потому, что дружеские чувства вызывают эту речь (аплодисменты) я и пришел сказать вам: Друзья мои, я не буду говорить сладких слов. Положение в мире не просто опасное. Положение в мире катастрофическое! (Аплодисменты).

Произошло нечто непонятное простому человеческому уму. Во всяком случае, мы там... мы там бессильные средние советские люди, мы не могли понять год за годом и десятилетие за десятилетием, что происходит, как это объяснить? Англия, Франция, Соединенные Штаты — державы победительницы во второй мировой войне. Всегда державы победительницы диктуют мир, они получают прочные условия, они делают такое существование, которое соответствует их философии, их представлениям о свободе, их представлениям о национальных интересах. Вместо этого, начиная с Ялты ваши государственные руководители Запада необъяснимым образом подписывали капитуляцию за капитуляцией. Никогда Запад и ваш президент Рузвельт не поставил никаких условий Советскому Союзу в получении помощи, неограниченно помогал, а затем неограниченно уступал.

Уже в Ялте, без всякой необходимости, уже в Ялте были признаны оккупация Монголии, Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы. Вслед за тем почти не было сделано ничего для защиты Восточной Европы, и отдали еще 7-8 стран Восточной Европы. Сталин потребовал выдать ему тех советских граждан, которые не хотят возвращаться на родину, и западные страны отдали полтора миллиона человек. Как отдали? Они схватили их силой. Английские солдаты убивали русских, которые не хотели идти в плен к Сталину, и силой толкали их к Сталину на уничтожение.

Теперь это стало известно, но вот совсем недавно, вот несколько лет назад — полтора миллиона человек. Как могла сделать это демократия Запада? И вслед за тем, все остальные 30 лет — это годы постоянных отступлений и отдачи страны за страной. До того, что теперь уже и в Африке есть советские сателлиты, и почти вся Азия уже захвачена. И вот катится в пропасть Португалия. За 30

лет отдано больше, тоталитаризму отдано больше, чем когда-либо, когда-либо в мировой истории, в какой-либо войне отдавала страна, потерпевшая поражение. Войны не было, но она как бы вот произошла.

Мы долго не могли этого понять. Мы не могли понять хлипкости этого перемирия, заключенного в Северном Вьетнаме. То есть, всякий средний советский человек понимал, что это такое хитрое устройство, которое дает возможность Северному Вьетнаму взять Южный в тот любой день, когда он захочет. И вдруг это премируется Нобелевской премией мира! Трагическая и ироническая премия. (Аплодисменты).

Это очень опасное ощущение, которое может возникнуть при таком 30-летнем отступлении. Уже создается такое мироощущение, как бы поскорее уступить, поскорее бы отдать, и как-нибудь наступило бы замирение, как-нибудь наступил бы покой. Как и писали сейчас многие газеты на Западе: «Скорей бы кончилось кровопролитие во Вьетнаме и наступило бы национальное единение».

У Берлинской стены они не вспоминают национальное единение. А ваша... одна из ваших ведущих газет после конца Вьетнама на целую страницу дала заголовок: «Благословенная тишина». Врагу не пожелал бы я такой благословенной тишины. Врагу не пожелал бы я такого национального единения. (Аплодисменты).

Я провел 11 лет на Архипелаге, и я изучал полжизни этот вопрос. Я могу просто так, глядя издали на эту страшную вьетнамскую трагедию, сказать — миллион человек будет просто уничтожен, а четыре-пять миллионов по масштабам Вьетнама съдут в концентрационные лагеря и будут восстанавливать Вьетнам.

А что происходит в Камбодже, вы уже знаете. Геноцид. Полное уничтожение, но в новой форме. Опять газовых камер не хватает, потому что техника недостаточная. И поэтому просто в несколько часов подминают столицу, провинившийся столичный город и выгоняют его — стариков, детей, женщин — без вещей, без еды. Иди и умирай.

Это очень опасное мироощущение, когда начинает вкрадываться это чувство: ну, отдайте. Мы уже сейчас слышим голоса на Западе и в вашей стране: отдайте Корею. Отдайте Корею и будем жить тихо. Отдайте Португалию, конечно. Отдайте Японии. Отдайте Израиль. Отдайте Тайвань, Филиппины, Таиланд, Малайю. Отдайте еще десять африканских стран. Дайте только нам возможность спокойно жить. Дайте возможность нам ехать... ездить в наших широких автомобилях по нашим прекрасным автомобильным дорогам. Дайте возможность нам спокойно играть в теннис и в гольф. Дайте спокойно нам смешивать коктейли, как мы привыкли. Дайте нам видеть на каждой страничке журнала улыбку с распахнутыми зубами и с бокалом.

Но вот еще как повернулось — повернулся так, что сейчас на Западе это все обернулось обвинением против Америки. Сейчас на Западе раздаются очень много голосов, которые говорят: вот, Америка, твоя вина. Я должен решительно здесь заявить сегодня, что я должен защитить Америку от этих обвинений. Я должен сказать, что Америка (аплодисменты), изо всех стран Запада, Америка меньше всего виновата в этом и больше всего сделала для того, чтобы не было так. Америка помогла выиграть Европе первую и вторую Мировые войны, Америка подняла Европу из двух послевоенных разорений. 15, 20, 25 лет подряд она стояла с щитом, защищая Европу, в то время как европейские страны считали пятаки как бы не оплачивать свои армии. А лучше вовсе ее не иметь. Как бы не оплачивать вооружение. Как бы уйти из НАТО, зная, что все равно Америка защитит.

Эти страны с тысячелетней цивилизацией и культурой, это от них началось, хотя им там... им там ближе, им там можно лучше разобраться. Я вот приехал на ваш континент, я уже два месяца путешествую по его просторам. Я согласен — здесь это не чувствуется так близко. Здесь можно и ошибиться. Здесь нужны душевные усилия, чтобы понять остроту этого.

Соединенные Штаты Америки давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая страна в мире. Где бы ни произошло наводнение, землетрясение, пожар, стихийное бедствие, болезнь — кто помогает первый? Соединенные

Р. ПОЛЧАНИНОВ

НИКОЛАЙ II - ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

Под таким названием недавно появился в книжных магазинах Нью Йорка роскошно изданный альбом фотографий, составленный Марвином Лайонсом, выпущенный издательством Ст. Мартинс Пресс.

Цена 16,95 долл. для альбома в твердом переплете на 224 страницах считается нормальной на сегодняшнем книжном рынке. Альбом печатался в Великобритании и его первая партия была в Нью Йорке немедленно распродана. Покупателями, конечно, были в основном не русские, а американцы. Сотрудник «Нового Русского Слова М. М. Коряков очень тепло отозвался об альбоме, посвятив ему один из своих «Листков из блокнота» (от 1 мая с. г.), назвав его — «Мерило русской совести».

Просмотрев альбом нельзя не выразить чувство радости, что мы, русские, не видели блеска и славы российской империи, сможем заглянуть в прошлое нашей страны, узнать кое что, чего мы раньше не знали или лучше понять то, о чем имели только смутное представление. Еще большее значение имеет альбом для иностранцев, интересующихся русской историей и обычно получающих информацию из источников, враждебно настроенных к последнему русскому царю — Николаю Второму. Марвин Лайонс, как составитель альбома, показал себя человеком относящимся с симпатией к царской России и в то же время человеком объективным.

Составлен альбом на высоком профессиональном уровне и сразу видно, что его автор — и историк и коллекционер.

Штаты. Кто помогает больше всех и совершенно бескорыстно? Соединенные Штаты. (Аплодисменты).

И что мы слышим в ответ? Упреки, проклятия. Американцы, убирайтесь вон! Жгут американские центры и представители третьих стран в Организации Объединенных Наций вскакивают на столы, чтобы голосовать против Америки.

Однако, это не снимает тяжести с плеч Америки. Ход истории, хотите вы или не хотите, но ход истории сам привел вас, сделал вас мировыми руководителями. Вашей стране уже нельзя думать провинциально. Вашим политическим деятелям уже нельзя думать только о своем штате, о своей партии, о мелких ситуациях, которые приведут его или не приведут к государственному посту. Вам приходится думать обо всем мире. И когда наступит новый политический мировой кризис, — а я считаю, что вот очень острый закончился, а следующий может наступить в любой момент — все равно, главные решения все равно лягут на плечи Америки, на плечи Соединенных Штатов.

И вот, я уже находясь здесь слышу некоторые объяснения ситуации. Я разрешу себе процитировать то, что я слышал здесь: «Нельзя защищать тех, у кого не хватает воли к обороне». Я согласен. Но я должен сказать, это сказано по поводу Южного Вьетнама. Так в половине Европы сегодняшней и в трех четвертях сегодняшнего мира воля к обороне еще меньше, чем была в Южном Вьетнаме.

Нам говорят: нельзя защищать тех, кто не может обороняться собственными людскими ресурсами. А против превосходных сил тоталитаризма, когда он набрасывается весь, и никто не может защититься собственными ресурсами, никто. И например, Япония совсем не имеет армии.

Нам говорят: нельзя защищать тех, у кого нет полной демократии. Вот это самое замечательное, это самая основная мелодия, которую я вижу в ваших газетах и слышу в выступлениях некоторых ваших политических деятелей.

А кто в мире когда-нибудь на переднем крае тоталитаризма удержался с полной демократией? Вы, соединенная демократия мира, не удержались! (Аплодисменты). Америка, Англия, Франция, Канада, Австралия не удержались; при первой опасности гитлеризма протянули руку Сталину. Это называется удержаться с демократией? Нет, это не называется удержаться с демократией. (Аплодисменты).

И так еще говорят — этих выступлений много было подряд: если Советский Союз будет использовать разрядку в

Марвин Лайонс так объясняет, почему он решил издать этот альбом фотографий: «Во время исследовательской работы по подготовке биографии Николая Второго, Императора России, я все более и более убеждался, что любая законченная работа должна быть хорошо иллюстрирована». В конце альбома дана хронология всех главных событий из жизни Императора Николая Второго и близких ему лиц со дня рождения до трагической смерти и генеалогия потомков Николая Первого, с упоминанием 93 потомков и их супруг или супругов. Все фотографии расположены в хронологическом порядке, с объяснением для каждой фотографии и коротким пояснительным текстом по-английски, который делит альбом как бы на 25 глав.

В конце альбома указано, какие фотографии были от кого получены, и по возможности, кем они были сделаны. Из 365 снимков — 24 были взяты из коллекции автора. Остальные были получены от генерала С. Андоленко, князя С. Белосельского, из нескольких полковых архивов, библиотеки картинок Радио Таймс Халтн, королевской коллекции замка Розенборг, коллекции Зимнего дворца, музея изящного искусства штата Виргиния и других физических и юридических лиц. Всего, не считая автора — 41.

Снимки отбирались только лучшего качества, и потому технический уровень альбома несравненно выше виденных мною ранее подобных альбомов издававшихся на скудные эмигрантские средства.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

своих интересах, ну, тогда мы... А что тогда? Советский Союз использовал разрядку в своих интересах, использует и будет использовать!

Вот например, они с Китаем вместе усиленно участвуют в разрядке. А пока взяли три страны, пока незаметно три страны Индокитая взяли. Ну, правда, можно ожидать, что в утешение Китай пришлет пинг-понговскую команду (смех)... А Советский Союз прислал летчиков, которые когда-то перелетали Северный Полюс! И вот над днях полетят вместе в космос.

Типичный спектакль. Я отлично помню тот год — это 1937-ой год, июнь 37-го года, когда Чкалов, Байдуков и Беляков героически перелетели Северный Полюс и опустились в штате Вашингтон. Это был тот год и тот месяц, когда каждый месяц Сталин расстреливал больше 40 тысяч человек в месяц. И Сталин знал, что делал. Он послал их и вызвал у вас доверчивое ликование — дружба двух стран через Северный Полюс! Герои, никто ничего не скажет, герои! Но это был спектакль, чтобы отвлекать вас от событий 37-го года. А простите, какой сейчас юбилей? Сколько лет прошло? 38. Разве это юбилей? Нет, просто надо закрыть Вьетнам. Надо замазать Вьетнам. И вот послали снова их. Открыли памятник Чкалову в штате Вашингтон. Чкалов герой и достоин памятника. Но для истинной картины надо было позади памятника поставить стену и на ней показать барельеф тех расстрелов или тех черепов и костей... (Аплодисменты).

Еще так нам говорят — простите, что я так много цитат говорю, но их гораздо больше звучит в вашей прессе и по радио. Мы не можем игнорировать, что Северный Вьетнам и красные кхмеры попрали соглашение, но мы готовы смотреть в будущее. То есть, что это значит? Значит, пусть уничтожают людей. Но если вот эти насильники, вот эти убийцы, вот эти палачи предложат нам разрядку, мы с удовольствием будем с ними разряжаться. Ну так, как Вилли Брандт сказал как-то: «Я бы и со Сталиным пошел на разрядку». То есть, в то время, когда Сталин уничтожал по 40 тысяч в месяц, он бы охотно пошел с ним на разрядку! Смотрите в будущее. Так смотрели в будущее в 33-ем и в 41-ом, но смотрели плохо. Так смотрели в будущее два года назад, когда заключали нелепое, непонятное, негарантированное перемирие во Вьетнаме. И плохо смотрели. Так торопились с этим перемирием, что пропустили собрать назад всех собственных американцев. Так торопились скорее подписать этот документ, что там каких-то 1300 американцев — ну, нет и нет,

† В воскресенье 10-го августа с. г. в храме Св. Троицы (Бразиль 315) после Божественной литургии будут отслужены панихиды: по случаю 8-ой годовщины со дня смерти

ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШАПКИНА

и по случаю 2-ой годовщины со дня смерти
ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РЫКОВСКОЙ

Правление Станицы

† В первую годовщину кончины

**ШТАБС-КАПИТАНА МАРКОВСКОГО ПОЛКА
ПАВЛА СЕРГЕЕВИЧА ЛИТВИНОВА**

10-го августа с. г. в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Núñez 3541) после Божественной литургии будет отслужена панихида,

о чем извещает жена покойного

мы и без них обойдемся! Как это делается, как это может быть? Ну, часть из них действительно, бывает в войне без вести пропавшие. Но вожди Северного Вьетнама прекрасно признают, что часть содержится там у них, содержится. И что же, они отдают ваших соотечественников? Нет, они их не отдают и ставят все время условия. То они ставили условия: пусть Тхеу уйдет от власти, теперь они ставят условия, пусть Соединенные Штаты восстановят нам Вьетнам. А то, мол, очень трудно разбраться нам и найти этих людей.

Если правительству Северного Вьетнама трудно объяснить вам, что произошло с вашими братьями, с вашими американскими военнопленными возвращенными, то я на основе опыта Архипелага могу вам совершенно ясно это объяснить: есть такой закон на Архипелаге, что те, кому достается труднее всего и которые стоят наиболее стойко, самые честные, самые мужественные, самые неприсклонные — они никогда больше не видят света, их уже никогда нельзя показать, потому что они расскажут такое, что не умещается в голову. Часть ваших военнопленных вернувшихся рассказывала вам, что их пытали. Это значит, что тех, кто остался, пытали больше, но они не уступили ни на шаг. Это лучшие ваши люди. Это ваши первые герои, которые в одиноком поединке устояли. (Аплодисменты. И сейчас, сейчас к сожалению, они не могут ободриться нашими аплодисментами, они не могут их услышать в своих одиночных камерах, где могут умереть, а могут сидеть 30 лет, как сидел Рауль Валенберг — если знаете, шведский дипломат, захваченный Советским Союзом в 45 году. Вот 30 лет сидит и его не отдают!

А находились у вас при этом исторические деятели, которые говорили: «Я поеду в Северный Вьетнам, я встану на колени и на колени буду умолять отпустить наших военнопленных». Это не политическое деяние, это мазохизм! (Аплодисменты).

Для того, чтобы понять хорошо, что значила разрядка все эти 40 лет, дружба, стабилизация положения, торговля, я должен вам сказать то, чего вы никогда не видите и не слышите, оттуда, с нашей стороны сказать, как это выглядело. А выглядело это вот как: только знакомство с американцем, не дай Бог, ты пошел с ним сел в кафе, или в ресторан — подозрение в шпионаже — 10 лет!

Я рассказываю в «Архипелаге», том первый, случай, который не какой-нибудь арестант мне рассказал, но все члены Верховного Суда СССР в те короткие дни, когда я был при Хрущеве вызван, и они мне рассказали этот случай. Один советский гражданин был в Соединенных Штатах, и возвратясь сказал: «В Соединенных Штатах отличные автомобильные дороги». КГБ арестовало его и потребовало 10 лет. А судья сказал: «Я не возражаю, ну, мало, это все-таки мало, еще что-нибудь». Судью этого послали на Сахалин за то, что он смел спорить, а тому американцу дали 10 лет. Вы подумайте, какую ложь он сказал и какое восхваление американского империализма: «В Америке хорошие автомобильные дороги» — 10 лет!

В 45-46 году через наши камеры тюремные проходило множество людей — не тех, которые сотрудничали с Гитлером, были такие — не те, кто в чем-то был виноват, а те, которые были... всего-навсего побывали на Западе и были освобождены из немецкого плена американцами. Вот это считалось криминалом — освобожден американцами. Это

значит, он видел хорошую светлую жизнь. Если он придет, он будет рассказывать. Самое страшное не то, что он сделал, а что он будет рассказывать. И все такие получали 10 лет.

В последний визит Никсона в Москву ваши американские корреспонденты давали такой репортаж на западный лад, репортаж с московских улиц. Вот я, мол... вот я иду с микрофоном по улице и спрашиваю простых советских людей: «Скажите, пожалуйста, что вы думаете о встрече Никсон — Брежнев?» И удивительно, все до одного отвечали: «Великолепно, я очень доволен, я в восторге!»

Что это, как это понять? Да если я иду по улице и ко мне подходит американец с микрофоном и спрашивает, то я знаю, что с этой стороны идет гебист тоже с микрофоном, и он прекрасно запишет, что я скажу. Я скажу, а сейчас я буду в тюрьме. Я говорю: «Да, да, великолепно, я ничего лучшего не видел!» (Аплодисменты).

Но чего же стоят такие корреспонденты, если они просто переносят ваш западный прием, не подумавши, переносят туда? Вы ленд-лизом помогали нам многие годы. У нас сделано все, чтобы забыть его, запереть, по возможности не вспоминать. А сейчас я приехал сюда, до того, как пришел я в этот зал, я отчасти и оттягивал свой приезд в Вашингтон для того, чтобы посмотреть немного простую Америку, побывать в нескольких штатах, просто поговорить с людьми. Мне рассказали — я впервые узнал — что по всем штатам в годы войны Общество советско-американской дружбы собирало помощь советским людям — теплые вещи, продукты, подарки, и посылаю. Мы не только не видели их, мы не только их не получали — их распределяли там где-то в привилегированных кругах — но нам никто никогда об этом не говорил. Я это узнал сейчас, здесь у вас в Штатах вот в этот месяц. (Аплодисменты).

Все, что можно сказать ядовитого об Америке, было сказано еще в сталинское время, и все это лежит тяжелым осадком, и все это можно пробудить в любой день. В любой день газеты могут выйти с заголовками: «Кровавый американский империализм хочет захватить мир». И весь этот яд поднимется и множество людей у нас поверят и будут отравлены, и будут считать вас агрессорами. Вот так велась разрядка с нашей стороны.

Советская система так закрыта, что ее почти невозможно понять отсюда. И ваши самые ученые теоретики пишут научные труды, пытаются объяснить и понять, что происходит там. И вот сейчас... вот несколько таких наивных объяснений, которые нам, советским людям просто смешны. То говорят: «Советские вожди отказались теперь от своей человеконенавистнической идеологии». Нисколько. Нисколько они не отказались. То говорят: «В Кремле есть левые и правые, и там идет борьба. И мы должны себя так вести, чтобы не помешать левым».

Все фантазия. Левые, правые... Ну, есть там какая-то борьба за власть. Они все заодно. Или еще есть такая теория, — что теперь, благодаря росту техники растет технократия в Советском Союзе, растет инженерия, и инженеры теперь правят хозяйством, и вот скоро они будут определять судьбу, а не партия.

Скажу вам: инженеры столько же будут определять судьбу, сколько наши генералы, то есть, зеро, ноль. Все будут делать так, как скажет партия. Вот такая наша система.

Вот наша система. Судите сами. Это система, где 40 лет не было настоящих выборов, но идет спектакль, комедия. Стало быть система, где нет законодательных органов. Это система, где нет независимости прессы. Система, где нет независимости судебного органа. Где народ не имеет никакого влияния ни на внешнюю, ни на внутреннюю политику. Где подавляется всякая мысль не такая как государственная. И кстати, электронное подслушивание, это у нас такая простая вещь, это у нас быт. У вас произошел один случай электронного подслушивания, и всю страну трясло полтора года. А у нас это быт. Это почти в каждой квартире, учреждении. Мы к этому привыкли, нас это даже не удивляет. (Аплодисменты).

Это система, где разоблаченные палачи миллионов — как Молотов и гораздо более мелкие — никогда несудимы и на высоких пенсиях в высочайшем благополучии. Это система, где сегодня продолжается спектакль, и каждого иностранца, чтобы ему показать, обставляют несколькими подставленными советскими людьми, работающими по сценарию. Это система, где собственная Конституция не выполнялась ни одного дня, где все решения зреют в какой-то тайне, какой-то безответственной кучке, и оттуда ударяют как молния по нам и по вам. И чего же стоят подписи этих людей? Как же можно... как можно положиться на их подпись в документах разрядки?

Вы сейчас можете спросить своих специалистов, они говорят, что вот, даже в последние годы Советский Союз сумел создать и превосходящее химическое оружие, и ракеты, более совершенные, чем в Соединенных Штатах. Так что ж из этого? Разрядка нужна или нет? Не только нужна, она нужна как воздух. Это единственное спасение земли, чтобы вместо мировой войны произошла разрядка. Но разрядка истинная, и если ее уже испортили плохим словом, которое у нас «разрядка» — у вас «детант», так может быть, надо найти другое слово!

Я бы сказал, что даже можно очень мало признаков, главных признаков, назвать для такой истинной разрядки. Я бы даже сказал, что достаточно почти даже трех главных признаков. Первый признак, чтобы разоружиться не только от войны, но и от насилия, чтоб не осталось аппарата не только войны, но и насилия. То есть, не только того оружия, которым уничтожают соседей, но и того оружия, которым дают соотечественников. (Аплодисменты).

Нельзя строить разрядку... Это не разрядка. Если мы сегодня здесь с вами можем приятно проводить время, а там стонут люди и погибают, и в психиатрических домах ночной обход, и третий раз в день колят лекарство, разрушающее мозг и человека...

А второй признак разрядки, я бы назвал такой: чтоб это было не на улыбках постановлено, не на словесных уступках, чтобы это стояло на камне. Это слово, Евангельское слово всем известно: «Не на песке надо строить, на камне». То есть, должны быть гарантии того, что это не оборвется в одну ночь или в один рассвет. (Аплодисменты). А для этого нужно, чтобы там, вторая сторона, которая входит в разрядку, имела над собой контроль, контроль общественности, контроль прессы, контроль свободного Парламента. А пока такого контроля нет, нет гарантий. (Аплодисменты).

А третье простое условие: какая же это разрядка, если вести пропаганду, человеконенавистническую пропаганду, то что в Советском Союзе гордо называют «идеологическая война». Нет уж, дружить так дружить. Разрядка, так разрядка. Идеологическую войну надо кончить!

Советский Союз и коммунистические страны умеют вести переговоры. Они знают, как это делается — долго, долго ни в чем не уступать, а потом немножечко уступить, и сразу раздаются ликование: они уступают, пора подписывать договор!

Вот европейские переговоры 35-ти стран — два года мучительно, мучительно вели переговоры, тянули нервы, и уступили: некоторые женщины из коммунистических стран теперь могут выходить замуж за иностранцев! И некоторым журналистам теперь будет позволено кое-где немножко поездить! Дают одну тысячную долю естественного права, которое вообще должно быть с самого начала вне переговоров, и уже радость, и уже мы на Западе слышим много голосов: «Они уступают, пора подписывать».

За эти два года, пока велись перего-

воры, во всех странах Восточной Европы давление усилилось, репрессии усилились, даже в Югославии, в Румынии, не говоря уже об остальных. И именно сейчас спешат под... именно сейчас канцлер Австрии говорит: «Надо скорее, пришла пора подписать вот это соглашение».

Что это такое есть соглашение? Предлагаемое соглашение сегодня, это — похороны Восточной Европы. Это значит, Западная Европа подписывается скончательно, что она совершенно согласна, что Восточную Европу будут и дальше подавлять, только, пожалуйста, не трогайте нас. И канцлер Австрии думает, что если засыпят братскую могилу над Восточной Европой, то Австрия на самом краю могилы уцелеет и не сползет туда же!

А мы изо всей нашей жизни там вывели, что только есть одно, чем можно стоять против насилия, это — твердость. Надо понимать природу коммунизма. Сама идеология коммунизма, все ленинское воспитание таково, что оно считает дурачком того, кто не берет того, что лежит. Если можно взять, бери! Если можно наступать, наступай! А вот, если стена, отступи! И коммунистические правители уважают только твердость, и презирают и смеются над теми, кто им все время уступает.

У вас говорят сейчас, вот последняя цитата, которую я приведу из высказываний ваших государственных деятелей: «Мощь без попытки к примирению ведет к мировому конфликту». А я скажу: «А мощь с непрерывным угождением — вообще не мощь». (Аплодисменты). А из нашего опыта, я вам скажу: только твердость дает возможность устоять против наступления коммунистического тоталитаризма. Мы видим много исторических примеров тому. Вот несколько: маленькая Финляндия устояла в 39-ом году собственными силами. Вы отстояли Берлин в 48 году только твердостью, и не было мирового конфликта. Вы отстояли Корею в 50-ом году только твердостью, и не было мирового конфликта. Вы отстояли... заставили снять ракеты с Кубы в 62-ом году только твердостью, и не было мирового конфликта. И покойный Аденауэр вел переговоры с Хрущевым твердо, и он начал с Хрущевым настоящую разрядку. Хрущев начал уступать. И если бы его не сняли, в ту зиму он собирался ехать в Германию и продолжать истинную разрядку.

Я напомним вам и слабость такого человека, который редко соче... чья фамилия редко сочетается со слабостью, слабость Ленина. Ленин, придя к власти, панически отдавал Германии все, что только та хотела, просто, что хотела. Германия взяла сколько хотела, сказала: Армению отдать Турции. Пожалуйста. Армению отдали Турции, а там началась армянская резня. Пусть убивают, пожалуйста.

Почти неизвестно, но Ленин просил, ходатайствовал перед кайзеровским правительством Германии, чтобы кайзеровское правительство Германии успокоило правительство Украины и разрешило коммунистам как-то границу провести от Украины. Не было разговора захватывать Украину, но только как-нибудь, чтобы границу-то свою провести!

Мы, мы, инакомыслящие в СССР, мы не имеем ни танков, ни оружия, ни организации. Мы ничего не имеем, руки наши пусты. У нас есть только сердце и то, что мы выдержали за полвека в этой системе. И когда мы нашли в себе стойкость встать и стоять, то мы и устояли! И если я сегодня здесь (аплодисменты), мы устояли только твердостью духа. И если я сегодня здесь стою перед вами, то не по милости коммунизма, не по доброте коммунизма, не благодаря разрядке, но благодаря своей твердости и вашей твердой поддержке. (Аплодисменты).

Они знали, что я не уступлю ни на галек, ни на волос. И где взять нечего — отступились. Это не легко, воспитать... это в наших условиях воспиталось от тяжести жизни. Это и в каждом из вас бы воспиталось, если бы вы попали в такую тяжелую жизнь. Я не хочу здесь называть сегодня много имен, но вот Буковский, Владимир Буковский, чье имя уже почти забыли (аплодисменты)... Я почему не хочу называть много имен — потому что сколько ни на-

зови, больше остается; и когда мы решаем вопрос двумя-тремя, мы как бы забываем и предаем остальных. Надо помнить цифры. У нас десятки тысяч политзаключенных и по подсчету английских специалистов 7000 человек в принудительном психиатрическом лечении.

Так вот, Владимир Буковский. Буковскому предложили: ладно, освободайся, убирайся на Запад и замолчи. И этот мальчик, молодой человек, который при смерти, сказал: «Нет, я так не пойду. Я писал о тех, кого вы посадили в психиатрические дома, давайте, освободите их, тогда я поеду на Запад».

Вот та стойкость, которая стоит против камня и против танков. И нам с вами в оценке всего, о чем я здесь сегодня говорил (я уже подхожу к концу), можно было, можно было не вести разговора вот на этой вот плоскости деловых расчетов, т. е., почему та или иная сторона поступила так, как эти расчеты велись. Нам можно было подняться на нравственную высоту и сказать: в 33-ем и в 41-ом году ваше руководство и весь Запад не принципиально, беспринципно пошли на сделку с тоталитаризмом. Это даром не проходит. Это когда-нибудь отзовется. Вот оно 30 лет отзывается и еще отзовется, и еще страшнее отзовется!

Нельзя мыслить только в низкой плоскости политического расчета. Надо думать и о том, что благородно, что честно, а не только, что выгодно. Изворотливые западные юристы сейчас ввели такой термин «юридического реализма»; этим юридическим реализмом они хотят заслонить нравственные оценки. Вот, надо признать реальность, надо понять, что если установились какие-то законы в тех странах насилия, эти законы тоже надо также признавать и уважать... Среди юристов сейчас широко распространено такое понятие, что юрисдикция... что право выше нравственности, право, это что-то такое отточенное, а нравственность, это что-то неопределенное. Нет, как раз наоборот — нравственность выше права, а право (аплодисменты)... а право, это наша попытка человеческая как-то записать в закон, часть этой нравственной сферы, которая над нами. Мы пытаемся понять эту нравственность, свести ее на землю и представить в виде законов. И иногда это удается лучше, иногда удается хуже. Иногда получается карикатура на нравственность, но нравственность всегда выше права. И этой точки зрения нельзя покинуть. Надо душой и сердцем признать — в сегодняшней жизни, в XX веке стало почти смешно говорить «добро» и «зло». Это почти какие-то старомодные понятия. А это очень реальные понятия. Понятия высшей сферы над нами — «добро» и «зло». (Аплодисменты). И вместо того, чтобы вести низкие, мелкие и недалекие политические расчеты и игры, надо отдать себе отчет — концентрируется мировое зло огромной ненависти и силы, оно растекается по земле, и надо встать против него, а не спешить подавать ему все, что оно хочет съесть! (Аплодисменты).

Сегодня в мире происходят два важнейших процесса, один процесс тот, о котором я сказал. Вот он идет уже более 30-ти лет. Это процесс близоруких уступок, это процесс — отдавать, отдавать, отдавать, и может быть, когда-нибудь волк насытится...

А второй процесс, который я считаю ключевым, и я предсказываю, что он принесет нам всем будущее — этот процесс тот, что под чужуной короной коммунизма в Советском Союзе уже лет 20, а в других коммунистических странах меньше — идет освобождение человеческого духа, вырастает новое поколение, непоколебимое в борьбе со злом, которые не идут на беспринципные компромиссы, которые предпочитают потерять все — жизнь, заработок, всякие условия существования — только не пожертвовать совестью, только не идти в сделку со злом.

Так вот, (аплодисменты) и этот процесс зашел так далеко, что в сегодняшнем Советском Союзе марксизм упал так низко, он скатился к анекдоту, он скатился в предчеловеческое презрение. У нас уже просто никто мало-мальски серьезный и даже студенты и школьники уже серьезно без улыбки, без насме-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Со-Редактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

шки о марксизме не говорят. Но весь этот процесс нашего освобождения, который, конечно, вызовет общественные перемены, этот процесс медленнее, чем тот, который... чем первый, чем процесс уступок. Нам там, когда мы наблюдаем за этими уступками, нам страшно. Зачем же так быстро, зачем так стремительно? Зачем по несколько стран в один год?

Я начал с того, что вы, союзники нашего освободительного движения в коммунистических странах, и я призываю вас: давайте, вместе думать и стараться, как нам урегулировать эти... соотношения этих двух процессов. Всякий раз, когда вы помогаете нашим преследуемым, вы не только проявляете великодушные и благородство, вы защищаете не только их, но и самих себя, но и свое будущее. (Аплодисменты).

Но давайте, попробуем сколько можно остановим безумный, бессмысленный и безнравственный процесс бесконечных уступок агрессору, этих ловких юридических изворотов, когда каждый раз находится аргумент, почему еще одну, еще одну и еще одну страну надо отдать, отдать и отдать. Почему надо снова и снова подавать коммунистическому тоталитаризму технику сложную, тонкую, то, что нужно ему для вооружения, для подавления своих граждан?

Если мы сумеем задержать хотя бы — не остановить, но задержать процесс этих уступок и дать возможность продолжаться процессу освобождения в коммунистических странах, то эти два процесса в конце концов дадут нам наше будущее. (Аплодисменты). Внутренних дел не осталось на нашей тесной планете. Коммунистические вожди говорят вам: не вмешивайтесь в наши внутренние дела, дайте нам дышать спокойно. А я говорю вам: пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела, мы просим вас, вмешивайтесь! (Аплодисменты).

И так понимая свою задачу, я тоже сегодня может быть вмешался в ваши внутренние дела или как-то коснулся их. Простите. (Аплодисменты).

Вот я уже много поездил по Америке. Это добавилось к моим прежним представлениям о ней, как я слушал ее по всем радио, по рассказам людей, по рассказам бывалых людей... Америка вызывает у меня, у моих друзей, у наших единомышленников там, у всех простых советских людей (не у высокопоставленных) вызывает соединенное чувство восхищения и сострадания. Восхищение тем, что вы даже сами не знаете, сколько еще у вас будущего и сколько сил. Вы страна будущего. Вы страна молодая, страна неиспользованных еще даже возможностей. Страна великих просторов географических, простора души, щедрости, великодушия. Но с этими качествами — силой, щедрости, великодушия в человеке, в каждом, а вот и в целой стране — соединяется обычно доверчивость. И ваша доверчивость уже послужила, уже несколько раз послужила вам плохую службу. И я, и я хотел бы призвать, чтобы Америка проверяла эту свою доверчивость и не дала возможность тем мудрецам, которые играя в достижения буд-то бы еще более тонкой справедливости, еще более юридических тонкостей, равенства и каких-то оговорок, чтобы они — одни по искаженности кругозора, другие по близорукости, а кто по корысти, чтобы под этим ложным видом борьбы за мир и за общественную справедливость не повели бы вас, не завели бы вас на ложную дорожку, ибо они телкают ослабить, разоружить вашу прекрасную сильную страну перед такой опасностью, перед такой грозной силой, какой не знала вся мировая история — не только ваша американская, но вся мировая история.

И я только и призываю вас: трудная простая Америка, представленная сегодня здесь своим профсоюзным движением, не дайте себя ослабить, не дайте завести себя в неверную сторону. Будем стараться замедлить процесс уступок и помочь процессу освобождения! ●

Ищу, кто желает совершить паломничество в Св. Землю, для совместной поездки.

Группа паломников выезжает из Парижа 16 августа с. г.
Желающих прошу сообщить свой адрес в редакцию «Нашей Страны».